

Премьера в лондонском театре «De Complicite»

ПРОШЛОЕ — ЭТО ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

Независимая газета. — 2000. — 5 февр. — с. 7

Саша Дагдейл

ДЛЯ ЛОНДОНСКОЙ художественной элиты новая постановка театра «De Complicite» «Mnemonic» стала самым ярким событием рождественских дней. И, как это часто бывает в театрах Вест-Энда, труппа сыграла несколько спектаклей для не слишком широкого круга публики. Зрители знали друг друга в лицо. Они с профессиональной легкостью обсуждали спектакль до того, как он начался, и у меня сложилось впечатление, что я нахожусь в аристократической гостиной, где не может быть случайных гостей. Это впечатление только усилилось, когда мы увидели вступление к спектаклю, которое напоминало телевизионное ток-шоу. Саймон МакБерни, один из трех основателей театра «De Complicite», которого хорошо знают в России (его брат Джеральд — композитор и русофил), выскочил на сцену с гиперболизированным микрофоном в руке и поприветствовал аудиторию. Сперва он поделился с нами несколькими шутками, затем попросил зрителей открыть небольшой пакет, находящийся на кресле напротив. В пакете лежали черная повязка (которую обычно предлагают стюардессы, чтобы пассажир мог быстрее уснуть в длительном перелете) и листик с дерева. Надев повязки, мы устроились в полной темноте и по просьбе Саймона, следя пальцами за прожилками на листике, представили себе наше родословное древо, разрастающееся в разные стороны и через века стремящееся к нам, к той точке, в которой нам суждено было родиться. Чтобы представить все это, нам хватило нескольких минут, поэтому мы вскоре сняли повязки и увидели Саймона, который сидел на сцене, тоже без повязки, и уже представлял собой одного из зрителей по имени Вергилий. Оказалось, что, пока мы сидели в повязках, голос Саймона сменился на голос, записанный на пленку и звучащий теперь из динамиков. Зрительный зал оценил весь этот остроумный фокус, по-хорошему ин-

фантный. Вергилий достал сотовый телефон и принялся говорить по нему со своим приятелем (московская привычка!), путано объясняя ему, что купил билет на спектакль одной странной труппы, которая утомляет публику своей идиотской шуткой с листиком.

В тот момент, когда он принялся объяснять своему другу смысл этой шутки, голос снова перестал звучать из уст Вергилия, но продолжил из динамиков — тут Саймон еще раз преобразился: он стал Вергилием, персонажем пьесы «Mnemonic», которую нам обещали показать. Этот чудесный театральный прием иллюстрирует нам идею пьесы, для которой важен мотив вечного преображения человека на протяжении истории.

Сквозь плоть спектакля проходят две сюжетные линии. Первая: на австро-итальянской границе найден снежный человек, preservованно сохранившийся; находка стала мировой сенсацией, способной изменить наше представление о современном человеке. Вторая: Алиса, возлюбленная Вергилия, ищет своего Отца, которого ни разу не видела. Алиса путешествует по Европе, передвигаясь с запада на восток, до самой Литвы (Восточная Европа неодолимо влечет к себе романтическую натуру с Запада), и все больше и больше узнает об Отце, о себе самой и своей жизни. Вместе с Алисой мы понимаем, что факты, которыми она обладает, настолько скупы и отрывисты, что чем дальше продвигается ее расследование, тем меньшее количество нитей связывает ее с прошлым.

История снежного человека, который предпринял свое последнее путешествие в альпийских снегах четыре тысячи лет назад, также заставляет персонажей пьесы постоянно размышлять о прошлом (бежал ли он от врага? охотился ли? искал жилище?). Этот поиск истины, который странным образом связан с розыском Отца-незнакомца, подчеркивает, как тщетны усилия Алисы, равно как и неизбежно ее желание знать и постигать столь нужную ей правду. Возлюбленный Алисы, тот самый Вергилий (он занимается как раз пробле-

мой снежного человека), по телефону и автоответчику умоляет Алису бросить поиски и вернуться к нему.

«Mnemonic» — современная пьеса. Актеры так же увлечены историей, как увлечены мы ею накануне смены века и тысячелетия, и человеческим общением, в результате которого мы узнаем прошлое ради настоящего. Сцены прошлого возникают на сцене с помощью кинематографического приема, когда в основное повествование вклиниваются фрагменты прошлого, чтобы прояснилось настоящее. История снежного человека повторяется несколько раз в многочисленных интервью, на пресс-конференциях и научных встречах. Алиса тоже узнает об Отце из уст множества людей и вынуждена строить свое собственное представление о нем по обрывистым кусочкам чужих воспоминаний. Ей постоянно приходится сомневаться в тех людях, от которых она услышала о нем, и в том, что она узнала от них. Сомнение есть во второй истории: за тело снежного человека спорят Австрия и Италия, ведь его нашли на линии границы. В поисках Отца Алиса пересекла множество границ, но так и не сократила разделяющего их расстояния, а если и сократила, то не заметила того. Возбуждение воспоминаний, интеллектуальный разбор собственного прошлого гораздо важнее для нас, чем сам результат этих поисков. Часто объект воспоминаний находится за пределами наших способностей к воспоминанию. «Прошлое — это чужая земля, там все по-другому...»

Итак, темы спектакля точно схвачены и красиво раскрыты. Единственная оговорка: пьеса, которую актеры написали вместе, была по просьбе публики опубликована, и, увы, она не передает той энергии, которая есть в спектакле, скорее выдает недостаток мастерства у коллектива драматургов, что выражается в не вполне четком понимании своих целей и недостаточной литературной отделке пьесы. Тем лучше для труппы, которая сыграла «Mnemonic» с умом и изумительной силой. В спектакле чувствуются забытый ныне во многих

труппах азарт молодости, студенческий энтузиазм. Пластика и движения безупречны, как это всегда бывает в театре «De Complicite».

Два самых потрясающих момента в спектакле: обнаженный Саймон МакБерни, который изображает в этот момент снежного человека (это поражает английских зрителей, как поразило бы русских, если бы на сцену вдруг вышел раздетый Юрий Соломин), и мизансцена, когда актеры замирают, демонстрируя нам эволюцию человека — от шимпанзе через человека эпохи неолита до пользователя сотового телефона. Но есть и в спектакле слабые моменты — некоторые актеры играют так, словно на них наклеили ярлыки: ты будешь, к примеру, все время поскальзываться на коже банана или будешь изображать крутую феминистку, ненавидящую всех мужчин. В этом, конечно, чуть меньше того студенческого юмора, которым изобилует пьеса, но, подумав, что все эти дешевые трюки рождены недостатком строгой режиссуры.

Интернациональная труппа говорит в пьесе и по-французски, и по-немецки, и по-польски, и на идише, но без той претенциозности и высокого актерского самосознания, которые иногда позволяют себе британские актеры. Интересно видеть эту пьесу и быть ее соучастником. Легко представить себе дружную команду актеров, которые в увлеченной работе над спектаклем изучали сами себя и свое индивидуальное прошлое. Я покидала театр с огромным желанием присоединиться к ним, поговорить и добавить свои собственные воспоминания к этому нескончаемому воспоминательному процессу.

Спектакль театра «De Complicite» увел нас далеко от Вест-Эндской театральной модели, настойчиво и очень вовремя, но без нравочений, возвращая нас к традиционному европейскому театру. Мне захотелось побывать в одной компании с актерами именно потому, что всех нас они любезно пригласили в свою гостиную, где собрались единомышленники.

Лондон

Перевод Павла РУДНЕВА